

Рязанев Эльдар

29.12.05

Кинорежиссер Эльдар РЯЗАНОВ:

Новые Известия - 2005 -
29 дек - с. 1, 20

«Мне надоело быть всероссийским Дедом Морозом!»

ВОЛОДИМИР МАЩАТИН

ВИКТОР МАТИЗЕН

Точно так же, как у главного героя фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!» Евгения Лукашина была традиция провожать старый год походом с друзьями в баню, так и у российских журналистов есть традиция накануне Нового года спрашивать у Эльдара РЯЗАНОВА про его всенародно любимый фильм. В этот раз прославленный режиссер попытался скрыться от прессы на съемках своей новой картины о великом сказочнике Гансе Христиане Андерсене. Однако для «Новых Известий» Эльдар Александрович, размещившийся в монтажном цехе «Мосфильма», нашел время перед очередной сменой. Правда, первый вопрос задал сам.

– Вы не будете расспрашивать меня об «Иронии судьбы» и Новом годе?

– А что, вас с этими вопросами уже достали?

– Не то слово. Почему-то все считают, будто я всероссийский Дед Мороз. Звонят из разных телекомпаний и просят, просят, просят. А у меня съемки каждый день с 8 утра до 11 вечера, и хочется всех послать. Когда речь заходит о Новом годе и об «Иронии судьбы», я проклинаю вашего брата-журналиста. И это не кокетство. Как говорил Анатолий Франс, излишество вредно во всем, даже в добродетели. Когда Броневого называют Мюллером, он может и побить. Когда ко мне пристают с «Иронией судьбы», то...

Окончание на стр. 20

«Мне надоело быть всероссийским Дедом Морозом!»

Окончание. Начало на стр. 1

— ... то это ирония судьбы. Неужели, сняв вторую после «Карнавальная ночь» новогоднюю сказку, вы не догадывались, что с ней к вам будут приставать всю оставшуюся жизнь?

— Не надо преувеличивать моих провидческих способностей. У меня их нет.

— А «Небеса обетованные»?

— Это случайность. Я делал современную версию пьесы Горького «На дне», а в это время вся страна пошла на дно, и картина получилась не о маленькой прослойке, а обо всем народе. И о том, что армия не двинется против народа. Когда мы снимали сцену, где полковник забирается на «Москвич» и произносит речь, я понятия не имел, что этот кадр будут воспринимать как предвестие знаменитой речи Ельцина. У меня если и были какие-то ассоциации, то разве что с Лениным на броневике. Но все решили, будто я предсказал ход событий. И когда картину показывали после августовского путча 1991 года, просмотры превращались в демократические митинги. Люди высказывали на сцену, выкрикивали лозунги...

— А если бы году эдак в 1950-м вас попросили бы предсказать будущее, что бы вы тогда сказали?

— Тогда я об этом не думал. Как можно в 22 года думать о будущем? Помню, лет в 30 подумал, что хорошо бы дожить до 2000 года, но не дожить, наверно. Я всегда жил мыслью о том, как лучше сделать картину, над которой я работаю. Я никогда не думал, что «Ирония судьбы» будет показывать 30 лет, а был озабочен тем, как провести сквозь цензуру столь внидеологическую картину.

— О чем вы мечтали в жизни?

— Глобальной мечты у меня никогда не было. Я не мечтал о славе, не мечтал о том, чтобы стать знаменитым, получить какое-нибудь звание. Мечтал закончить очередную картину, если это можно назвать мечтой. Сейчас вот живу фильмом об Андерсене. Не слушаю новости, не смотрю телевизор, книги читаю отрывками...

— Сказочников на свете много, и Андерсен далеко не единственный из них. Почему ваш выбор пал именно на него? Почему не на Шарля Перро и не на братьев Гримм?

— Андерсен мне всегда нравился, находил отклик в моей душе. Когда я первый раз в жизни побывал в Дании — ездил туда с «Гусарской балладой», то на гроши, которые у меня были, купил огромный букет цветов и отнес к памятнику на могиле Андерсена. Почему я это сделал, объяснить не могу. Я не носил цветов ни Набокову, ни Чаплину. Может, молодой был. Что-то меня в нем зацепило. Хотя я не подозревал, какой клад найду, когда влезу в его биографию и в его характер.

— Характер у него, как утверждали его современники, был прескверный.

— Да, он был малопривлекателен в общении. Был болезненно самолюбив и истеричен. Не терпел критики. Имел глаза на мокром месте. Всю жизнь путешествовал с веревкой.

— Что бы в случае чего повеситься?

— Чтобы в случае пожара спуститься из окна.

— Датчане вам как-то помогали со съемками?

— Никак. Они меня вообще не интересуют — так же, как и я их. Должен сказать, что Андерсен — просто выродок в своей стране. У меня есть большое подозрение, что его бабушку в свое время догнал какой-нибудь испанец или итальянец. Ведь датчане такие же «горячие» парни, как финны и эстонцы. Но этот парень действительно был горяч.

— Отсюда ваше определение «страсти по Андерсену»?

— Он трижды предлагал женщинам руку и сердце, трижды получал отказ и умер девственником.

— Что-то от себя вы вложили в его кинообраз?

— Вероятно, у нас с ним есть нечто общее, потому что я хорошо его чувствую.

— У вас и вашего соавтора по сценарию Ираклия Квирикадзе были расхождения на его счет?

— У Ираклия были попытки сделать из Андерсена горячего абрека, но я тут встал насмерть (смеется). То, что мы делаем — не развенчание и не лакировка. Мы показываем, каким он был и из чего возникли его сказки. «Ах, если б знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...». Пожалуй, это самый глобальный замысел в моей жизни. Когда я учился во ВГИКе, Козинцев нам говорил, что снимать нужно либо о том, чего никто не знает, либо о том, что знают все, но так, как никто раньше не снимал.

— Удалось ли вам найти что-то такое, о чем никто не знает?

— Прочтите сценарий. Хотел бы я хоть раз увидеть кинокритика, который сначала прочел сценарий, потом посмотрел фильм, а потом сравнил одно с другим.

— Это делается в двух случаях: если в основе лежит известный роман или если между сценаристом и режиссером возник конфликт. Иначе читателям будет неинтересно.

— Вы обедняете себя и читателей и этим, и тем, что никогда не пишете о том, из чего вырастают фильмы, — о той жизни, которой живет режиссер между съемками.

— Режиссеры обычно сами об этом рассказывают. А зачем вам нужно, чтобы об этом писали?

— Есть такой анекдот. Мать отправляет дочь за отцом в трактор. Тот наливает ей рюмку и заставляет выпить. Дочка говорит: «Какая гадость!». «А твоя мать думает, что мы тут мед пьем!».

— Интересно, а вас как воспитывали?

— Воспитывают всех одинаково, но не все это воспринимают. Учат не врать и не воровать. Меня не порол и не ставили в угол, но выговаривали так, что я запоминал. Кроме того, меня воспитывала жизнь. В военные годы я нянчил младшего брата, стоял в очередях. Как-то сломал ложку и плакал, потому что понимал, как тяжело будет маме заплатить за нее. Вы знаете, почему я толстый? В войну я постоянно недоедал и всегда хотел есть. И когда отменили карточную систему, начал есть и уже не мог остановиться. Один мой друг сказал, что у меня взволнованное отношение к пище. Кто-то, может, думает, что я гурман, а я просто обжора. Мне надо наесться.

— Сами готовите?

— Случается. Делаю винегрет, настаиваю водку. По старому русскому рецепту. У нас дома это называется «рязановкой».

— Вы часто выпиваете?

— Я сильно пил в 17 лет, потом отравился водкой и лет восемь даже запаха ее не переносил. Сейчас могу выпить 2-3 рюмки, не больше.

— А курите?

— Начал курить в 7 лет, когда пошел в школу. Это было в 1934 году. Завтрак стоил рубль двадцать пять копеек...

— Вы это до сих пор помните?!

— У меня память такая, что съёмочная группа стонет. Я даже телефон свой довоенный не забыл. Так вот, 35 копеек я тратил на папиросы «Бокс», а на 90 копеек что-то съедал. Курить хотелось даже больше, чем есть. Кончилось тем, что мама нашла у меня полураскуренную пачку папирос. Меня повели к директору школы Екатерине Васильевне Мар-

СПРАВКА
Эльдар РЯЗАНОВ — один из самых известных отечественных режиссеров, снявший такие «народные» фильмы, как «Карнавальная ночь» (1956), «Берегись автомобиля» (1966), «Старики-разбойники» (1971), «Ирония судьбы, или С легким паром» (1975), «Служебный роман» (1977), «Гараж» (1979), «Вокзал для двоих» (1982), «Жестокий романс» (1984), «Забытая мелодия для флейты» (1987), «Ключи от спальни» (2003), и другие. Родился 18 ноября 1927 г. в Куйбышеве (ныне Самара). В 1950 г. окончил режиссерский факультет ВГИКа (мастерская Григория Козинцева), после чего некоторое время работал в документальном кино — снимал сюжеты для киножурналов. Впоследствии был соавтором сценариев многих своих фильмов, написал несколько пьес, опубликовал ряд книг, среди которых «Грустное лицо комедии» (1977), «Смешные невеселые истории. Комедии для кино и телевидения» (1979, совместно с Эмилем Брагинским), «Неподведенные итоги» (1983), сборник стихов «Ностальгия». В 1979–1985 гг. Эльдар Рязанов вел телепередачу «Кинопанорама» (покинул ее по политическим соображениям, обвинив редакцию ЦТ в цензуре). С 2001 г. возглавляет Академию кинематографических наук. Народный артист СССР, дважды лауреат Государственной премии, награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» третьей степени, а также французскими орденами Почетного легиона и «Изящных искусств и литературы».

тьяновой. Она была депутатом Верховного Совета СССР, народной учительницей, имела два ордена Ленина и при этом была абсолютным монстром и стервой, от которой у родителей руки дрожали. Но я не понимал, что меня привели к дракону, и не боялся, а мама стояла рядом и тряслась. Я получил взбучку, но продолжал курить, воруя у мамы папиросы. И курил 35 лет, причем последние 15 лет выкуривал по 60 штук в день, по три пачки. Тогда еще не было сигарет с фильтром. Утром кашлял у умывальника так, что на лбу лопались кровеносные сосуды. Много раз пытался бросить, и к гипнотизерам ходил, и к экстрасенсам. Спасло меня лекарство, насыщенное никотином, которое действовало по принципу передозировки. С тех пор на курящих смотрю с отвращением. Особенно на женщин.

— Чего вы в жизни боялись?

— Советской власти. Мой отец сидел, и меня могли из-за этого не принять в институт. Я спрашивал у матери, кого мне писать в анкете, отчима или отца. Отец был русский, но враг народа, а отчим еврей, но не враг народа. Иногда было выгодней вписать в анкету отчима-еврея вместо отца-врага народа, иногда наоборот. Все менялось так, что не угадаешь. На опасный вопрос: «Колебались ли вы относительно линии партии?» в анкете давался ответ: «Колебался. Вместе с линией партии». Словом, мать говорила, и я писал. Я не думал, что предаю отца, а его не помнил, он был для меня фикцией, от которой осталось только отчество. Отчима звали Лев, мое отчество не совпадало с его именем, но, к счастью, анкеты никто не читал. Мне удалось поступить учиться. На кафедре марксизма-ленинизма служили садисты. Мы ненавидели эти предметы. У философа в кавычках Гудова была одна нога, у политеконома Козодоева — один глаз. Студенты сочинили жестокую шутку.

Принимают экзамен одноногий и одноглазый. Одноногий говорит: «Мне выйти надо, смотри в оба» — «Хорошо, только одна нога здесь, другая там». На первом же занятии по марксизму меня спросили, не родственник ли я того самого меньшевика Рязанова. Если бы я знал, что Рязанов — псевдоним Розенבלата или Розенфельда, я бы сказал, что мы даже не однофамильцы, но я об этом человеке ничего не слышал. Одна студентка на экзамене от ужаса забыла, как звали Маркса. Эта кафедра решала, кому жить, а кому не жить в институте. Но я как-то проскакивал. Однажды из всей группы только я и Ляtif Сафаров, который потом стал первым секретарем азербайджанского союза кинематографистов, получили зачет по диамату, но Сафаров после этого три месяца заикался. И каждый раз, делая «Карнавальную ночь» или «Берегись автомобиля», я выдавливал из себя раба и преодолевал страх перед советской властью.

— Кажется, воспоминания об отце вам не очень приятны.

— Я его почти не знал. Во время войны написал ему письмо в тайне от матери, потому что она бы не разрешила, и получил ответ с опиированием северной природы. Я был очень оскорблен, так как не понимал, что из-за цензуры отец не мог написать ничего другого. Слышал, что он был сильный и отважный человек, но когда он вышел из лагеря и сам меня нашел, заметив мое имя в титрах фильма, то я увидел сломленного старика. Это было ужасно: приходит чужой человек и говорит, что он — твой отец. Я дал ему денег, отдал все, что у меня было в этот момент, и он исчез на четыре года, потому что не имел права жить в Москве. После реабилитации все-таки перебрался в столицу и через несколько месяцев умер. Я видел его всего несколько раз. Помню, как поехал на похороны, нес гроб.

Все было не по-человечески, как могло быть только в СССР. Похороны назначили в субботу. Сослуживцев обяжали хоронить почти не знакомого им человека, потому что он был, как это тогда называлось, старым большевиком. Собрались люди, которым он своей смертью испортил выходной день, и думали только о поминках, где можно будет выпить. И притащился я, еще один посторонний. Можете себе представить, что я чувствовал...

— Вы согласны с тем, что ваши фильмы были чем-то вроде фиг в кармане?

— И да, и нет, потому что фиги постоянно вылезали. Когда Смоктуновский-Деточкин говорил о том, что все воруят, это было вполне открытое высказывание.

— Как поживает ваш каменный двойник — кинотеатр-кино клуб «Эльдар»?

— Боюсь, что за время съемок «Андерсена» он меня забыл, как я своего родителя. Пока я работаю в нем только вывеской. Но поживает он неплохо. Проводит концерты, показывает кино. Правда, когда мы открылись, народ сначала не разобрался, что к чему, и решил, что клуб закрытый. Но сейчас уже есть своя публика. Кстати, приглашаю в гости читателей «Новых Известий» — у нас есть, что посмотреть и на что посмотреть.

— Вы себя считаете сказочником?

— Я себя считаю нормальным и здоровым человеком. Для художника это признание очень унижительно. Художник должен быть больным и чесать правое ухо левой ногой.

— То есть вы такой же выродок среди художников, как Андерсен среди датчан?

— Наверное. Но я, в отличие от Андерсена, очень критически к себе отношусь и аналитически себя рассматриваю на предмет определения уровня маразма и окаменелости мозгов.

— И какие выводы делаете?

— Мне кажется, пока я еще развиваюсь. Во всяком случае, эту картину я делал более раскованно, чем предыдущие.

— Надеюсь, она мне понравится.

— Я вам уже говорил, что если вам понравится моя картина, я пойму, что снял полное г...

— А вам отвечал: «Что бы вы ни сняли, вам не удастся разочаровать меня в «Берегись автомобиля», «Жестоком романсе» и «Гараже». Такова ирония судьбы. Так что, с Новым годом?»

— С Новым годом! И передайте мои наилучшие пожелания сотрудникам и читателям «Новых Известий».